М. Я. Алавердянцъ.

ГРАФЪ

Иванъ Ѳеодоровичъ Паскевичъ-Эриванскій

и

ЕГО ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ НА КАВКАЗѢ ВЪ ОЧЕРКАХЪ АРМЯНСКАГО ИСТОРИКА.

1782—1912 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Художественно-Графическое Ателье и печатня М. Пивоварскаго и А. Типографа.
Моховая 8. 1912. Телеф. 88-75.

М. Я. Алавердянцъ.

ГРАФЪ

Иванъ Ѳеодоровичъ Паскевичъ-Эриванскій

и

ЕГО ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ НА КАВКАЗѢ
ВЪ ОЧЕРКАХЪ АРМЯНСКАГО
ооооооо ИСТОРИКА. ооооооо

1782—1912 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Художественно-Графическое Ателье и печатня М. Пивоварскаго и А. Типографа.
Моховая 8. 1912. Телеф. 88-75.

Графъ Иванъ Ѳеодоровичъ Паскевичъ-Эриванскій и его дѣятельность на Кавказѣ въ очеркахъ армянскаго историка.

(1782—1912 г. [1]).

Содержаніе:

И. Ѳ. Паскевичъ и его характеристика. Воодушевленіе архіепископа Нерсеса и грамота Императора Николая I. Армянское ополченіе. Начало войны. Русскіе въ Эчміадзинѣ. Первыя дѣла Паскевича. Армія Красовскаго. Набѣгъ Аббаса-Мирзы и осада Эчміадзина. Помощь Красовскаго и Аштаракское сраженіе. Личность Красовскаго. Наступленіе Паскевича. Взятіе Сардарь-Абада. Взятіе Эривани. Русскіе въ Тавризѣ. Русско-персидскій Туркманчайскій договоръ.

I.

Извѣстіе о набѣгѣ персовъ и о пораженіи малочисленныхъ русскихъ войскъ Императоръ Николай I получилъ въ Москвѣ въ дни своей коронаціи. Государь былъ очень недоволенъ медлительнымъ движеніемъ Ермолова. Не будучи знакомы съ мѣстными

---

[1]) 8 мая 1912 года исполняется сто тридцать лѣтъ со дня рожденія одного изъ выдающихся фельдмаршаловъ русской арміи—бывшаго намѣстника Царства Польскаго—графа Ивана Ѳеодоровича Паскевича-Эриванскаго.

Въ русской военно-исторической литературѣ—помимо журнальныхъ статей—имѣется не мало авторовъ, посвятившихъ свои труды жизни и дѣятельности этого выдающагося героя; изъ главныхъ трудовъ, посвященныхъ Паскевичу, упомянемъ слѣдующія:

1. „Жизнеописаніе генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго графа Паскевича-Эриванскаго, по оффиціальнымъ документамъ", составилъ Перцовъ. Варшава 1870 г.

2. „Essai historique et biographique sur le Feld-Maréchal prince de Varsovie", par j. Tolstoy.

Не говоря объ авторахъ, на которыхъ мы ссылаемся подъ текстомъ самыхъ очерковъ, слѣдуетъ остановиться на капитальномъ трудѣ генералъ-маіора князя Щербатова, спеціально посвященномъ графу Паскевичу и озаглавленномъ такъ: „Генералъ фельдмаршалъ князь Паскевичъ. Его жизнь и дѣятельность; по неизданнымъ источникамъ составилъ генералъ-маіоръ князь Щербатовъ". Спб. 1888 и дальн. годы.

Этотъ трудъ почтеннаго автора—особенно первый томъ его—представляетъ собою сплошной панегирикъ героя персидской и турецкой кампаній, очищенный отъ всякихъ тѣней и даже полутѣней.

Второй томъ посвященъ „осадѣ Ермолова", иначе говоря, той неблагодарной роли, которая выпала на долю Паскевича осадить Ермолова, ранѣе его увольненія

условіями, въ столицѣ думали, что средства, которыми располагалъ Ермоловъ, весьма достаточны не только для обращенія въ бѣгство персовъ, но и для совершенія быстраго набѣга въ глубь Персіи.

Таково было и желаніе царя. Для исполненія этой своей воли въ августѣ мѣсяцѣ 1826 года императоръ соблаговолилъ отправить въ помощь Ермолову своего любимаго генерала Паскевича. Генералъ-адъютантъ Иванъ Ѳеодоровичъ Паскевичъ, который впослѣдствіи сдѣлался фельдмаршаломъ, графомъ Эриванскимъ и свѣтлѣйшимъ княземъ Варшавскимъ, происходилъ изъ древняго малороссійскаго рода и родился въ городѣ Полтавѣ 8 мая 1782 г. По окончаніи образованія, онъ еще въ восемнадцатилѣтнемъ возрастѣ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ императору Павлу Петровичу. Съ первыхъ же шаговъ судьбою такъ обласканный молодой Паскевичъ заразился безграничнымъ честолюбіемъ, которымъ онъ не пресытился даже до своей старости. Принимая участіе почти во всѣхъ войнахъ, которыя велъ императоръ Александръ I въ 1804—1814 годахъ, Паскевичъ выказалъ выдающееся геройство.

Въ двадцатидевятилѣтнемъ возрастѣ онъ уже былъ генераломъ и имѣлъ грудь, украшенную множествомъ знаковъ отличій. Будучи назначенъ генералъ-адъютантомъ, онъ былъ любимъ не только императоромъ Александромъ I, но и его преемникомъ Николаемъ. Сопровождая молодого императора въ Москву на его коронацію, Паскевичъ имѣлъ счастье быть назначеннымъ для осуществленія рѣшительной воли императора. И вотъ, сорокапятилѣтній Паскевичъ назначается помощникомъ Ермолова и командиромъ тѣхъ войскъ, которыя должны были совершить набѣгъ въ глубь Персіи. Паскевичъ долженъ былъ дѣйствовать по приказу и подъ руководствомъ опытнаго Ермолова. Но Паскевичъ былъ

отъ занимаемой имъ должности на Кавказѣ. Третій томъ труда князя Щербатова обнимаетъ собою наивысшій пунктъ карьеры Паскевича, касаясь самыхъ лучшихъ его боевыхъ подвиговъ, какъ главнокомандующаго русскихъ войскъ въ персидскую кампанію. Въ дальнѣйшихъ томахъ сообщается объ исторіи новыхъ подвиговъ графа Паскевича въ Царствѣ Польскомъ.

Цѣль предлагаемыхъ очерковъ возстановить—въ день стотридцатилѣтія со дня рожденія графа Паскевича—его образъ въ связи съ его дѣятельностью на Кавказѣ, обрисованный армянскимъ историкомъ не столько на основаніи существовавшихъ до него печатныхъ трудовъ, сколько на основаніи рукописей, хранящихся въ богатѣйшей Эчміадзинской библіотекѣ, которыя до него по означенному вопросу никѣмъ не были разработаны.

Мы имѣемъ въ виду обширныя изслѣдованія армянскаго историка и археолога А. Д. Ерицова, напечатанныя въ 1894 и 1895 годахъ на армянскомъ языкѣ и озаглавленныя такъ: „католикосы всѣхъ армянъ и кавказскіе армяне въ XIX столѣтіи“ въ двухъ томахъ.

Изъ перваго тома поименованнаго труда мы перевели и дополнили предлагаемые очерки о графѣ И. Ѳ. Паскевичѣ-Эриванскомъ и его дѣятельности на Кавказѣ.

О высокополезной литературной и археологической дѣятельности покойнаго А. Д. Ерицова—бывшаго редактора журнала „Кавказская Старина“—мы уже имѣли случаи писать въ журналѣ „Русская Старина“ за 1909 г., кн. VII и 1910 г., кн. IX; см. наши статьи: первая—„Пребываніе императора Николая I въ Эчміадзинѣ и въ Тифлисѣ по даннымъ армянскаго археолога“ и вторая—„тесть А. С. Грибоѣдова—князь Александръ Герсевановичъ Чавчавадзе—въ характеристикѣ армянскаго историка“.

М. Я. А.

настолько честолюбивъ, что не былъ способенъ подчиняться другимъ.

Онъ не любилъ имѣть надъ собою старшаго, завидовалъ и враждовалъ со своими подчиненными, если эти послѣдніе удостаивались какихъ-либо почестей. Онъ никому не позволялъ оказывать на себя вліяніе; всегда дѣйствовалъ вопреки преподаннымъ ему совѣтамъ; былъ упрямъ, гордъ, чрезмѣрно преслѣдовалъ нелюбимыхъ людей и мстилъ имъ. Однако онъ любилъ льстивыхъ и слѣпо повинующихся людей [1]). Со дня прибытія на Кавказъ Паскевичъ задумалъ свалить много потрудившагося Ермолова.

Будучи любимцемъ императора и пользуясь предоставленными ему полномочіями—непосредственно докладывать императору помимо министерскихъ посредничествъ—Паскевичъ рисовалъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ какъ Ермолова, такъ и главныхъ дѣятелей края, а также прославившуюся геройствомъ Кавказскую русскую армію. Онъ былъ недоволенъ существующими въ краѣ порядками и законами и въ каждомъ дѣлѣ находилъ злодѣяніе и измѣну. Но, по сверженіи Ермолова, когда самъ сдѣлался правителемъ края, онъ не чувствовалъ угрызенія совѣсти хвалить и до небесъ возносить геройства войскъ, имъ самимъ уличенныхъ, порядокъ и все то, что уже давно устроилъ Ермоловъ. Двуличное обхожденіе Паскевича замѣчалось въ каждомъ его шагѣ, въ каждомъ докладѣ.

Послѣ побѣды въ Елизаветополѣ—въ приказѣ, данномъ войскамъ—онъ восхищался геройствомъ, выказаннымъ генералами Мадатовымъ и Вельяминовымъ, а императору писалъ, что дѣло пошло бы успѣшнѣе, если бы не было Мадатова и Вельяминова и пр. 29 марта 1827 года, по Высочайшему повѣленію, взамѣнъ Ермолова правителемъ Кавказа былъ назначенъ Паскевичъ.

Немедленно лишились должностей всѣ любимцы Ермолова или близко-стоящія къ нему лица. Были смѣщены оба брата генералы Вельяминовы, знаменитый Давыдовъ, князь Мадатовъ и другіе, а въ послѣдующіе годы подверглись преслѣдованію гене-

---

[1]) Чтобы мнѣніе армянскаго историка не показалось голословнымъ, мы приведемъ здѣсь отзывъ о графѣ И. Ѳ. Паскевичѣ его современника Дениса Васильевича Давыдова.

Поэтъ—партизанъ говоритъ слѣдующее:

„Не принадлежа никогда къ числу почитателей этого хитраго баловня судьбы, оказавшаго, однако, своему отечеству немаловажныя заслуги, я всегда отдавалъ полную справедливость его примѣрному безстрашію, высокому хладнокровію въ минуты опасности, рѣшительности, выказаннымъ во многихъ случаяхъ, и вполнѣ замѣчательной заботливости его о нижнихъ чинахъ; къ сожалѣнію, отсутствіе обширнаго и просвѣщеннаго ума, недостатокъ возвышеннаго и твердаго характера, стараніе окружить себя ничтожными льстецами и лицами, хотя и одаренными нѣкоторыми способностями и со свѣдѣніями, но лишенными всякой самостоятельности, коихъ онъ преимущественно выдвигалъ и выдвигаетъ впередъ,—все это и содѣлываетъ его совершенно неспособнымъ стоять во главѣ школы, въ которой могли бы образоваться полезные военные люди. Ко всему этому надо присовокупить самонадѣянность и заносчивость, достигшія невѣроятныхъ размѣровъ, примѣрное попеченіе приписывать себѣ все, совершенное подчиненными, умалчивая, либо искажая заслуги ихъ и удаляя вскорѣ по одержаніи успѣха тѣхъ изъ нихъ, коимъ онъ, по общему мнѣнію, былъ тѣмъ обязанъ; страсть, столь сильно нынѣ распространенная, прибѣгать въ донесеніяхъ къ вымысламъ тысячи одной ночи и нѣкоторые другіе большіе пороки,—все это вынудило не одного человѣка, уважающаго свое собственное достоинство, удалиться съ поприща, на коемъ возможны служебныя съ нимъ столкновенія“.

Примѣчаніе переводчика.

ралъ Красовскій, полковникъ армянинъ Лазарь Лазаревъ, архіепископъ Нерсесъ Аштаракскій вмѣстѣ съ Аламдаряномъ и многіе другіе [1]).

Несмотря на эти крупные недостатки характера Паскевича, проистекающіе отъ его чрезмѣрнаго честолюбія и упрямства, всѣ тѣмъ не менѣе удостовѣряли, что военачальникъ-талантливый человѣкъ и имѣетъ также много достоинствъ.

Съ другой стороны слѣпая судьба помогала ему на каждомъ шагу и успѣхъ за успѣхомъ все умножали его лавровые вѣнки [2]).

Самъ Паскевичъ, хотя и не владѣлъ перомъ, но писанные

---

[1]) Самъ императоръ Николай I лучше всѣхъ характеризуетъ Паскевича въ собственноручномъ письмѣ, гдѣ пишетъ слѣдующее:

„Не скрою отъ васъ, любезный другъ, что съ прискорбіемъ я видѣлъ, что многіе достойные сотрудники ваши, люди, коихъ вы уважать должны, ибо они вполнѣ сего достойны, лишились подъ конецъ похода вашего довѣрія, не сдѣлавъ, я смѣло скажу, ничего, дабы провиниться и тѣмъ заслужить неудовольствіе ваше справедливымъ образомъ. Можетъ-ли высокая и благородная душа ваша быть преступна въ незаслуженной недовѣрчивости?

Достойно-ли васъ угнетать или быть несправедливу къ тѣмъ, кои, не щадя ни трудовъ, ни самой жизни, дабы заслужить мое благоволеніе, были истинными вамъ сотрудниками и помощниками?

„Не мнѣ вамъ, любезный Иванъ Ѳеодоровичъ, упоминать, что прощать великодушно, притѣснять же безъ причины—неблагородно. Прошу васъ, какъ другъ, примите сіе увѣщаніе отъ меня, какъ долгъ тому, которому я самъ многимъ добрымъ совѣтомъ обязанъ.

Я желаю, чтобы моего Ивана Ѳеодоровича всякій подчиненный любилъ и почиталъ, какъ отца, и чтобы не было другихъ ему завистниковъ, какъ завистниковъ его славы и добродѣтели.

„Слава сія на полѣ чести пріобрѣтена вами,—остается пріобрѣсти другую, столь же важную: быть любиму своими подчиненными. Для сего нужна строгая справедливость, даже самый видъ пристрастія или прихоти долженъ быть устраненъ. И можетъ ли быть иначе между благородныхъ людей, обязанныхъ уваженіемъ другъ къ другу. Я льщу себя надеждой, любезный Иванъ Ѳеодоровичъ, что вы постараетесь будущимъ вашимъ обращеніемъ съ вашими добрыми, усердными подчиненными доказать, что не въ нравѣ вашемъ поступать постоянно, какъ донынѣ случалось, и что совѣтъ искренняго вамъ друга не будетъ тщетнымъ. Въ трехъ вашихъ главныхъ подчиненныхъ: Эмануелѣ, Сипягинѣ и Красовскомъ, имѣли вы людей способныхъ, надежныхъ и заслуживающихъ мою довѣренность; съ ними въ особенности будьте въ должныхъ начальническихъ, но дружественныхъ отношеніяхъ. Ни одинъ изъ нихъ не будетъ, какъ говорится, искать выслуживаться помимо васъ; каждый въ своемъ мѣстѣ будетъ преполезенъ... Съ сими тремя помощниками, дѣйствуя черезъ нихъ по принятому плану и занимаясь тогда болѣе общимъ направленіемъ, наблюденіемъ и частыми осмотрами, я надѣюсь, мой Иванъ Ѳеодоровичъ поставитъ скоро край сей на ряду лучшихъ и самыхъ цвѣтущихъ областей Россіи". См. Н. К. Шильдеръ. „Императоръ Николай I, его жизнь и царствованіе"; томъ второй, стр. 90 и 91; а также см. Князь Щербатовъ: „Генералъ-фельдмаршалъ князь Паскевичъ. Его жизнь и дѣятельность, по неизданнымъ источникамъ", томъ третій, стр. 55. *Примѣчаніе переводчика.*

[2]) В. Потто въ своемъ 4-хъ томномъ трудѣ, озаглавленномъ: „Кавказская война въ отдѣльныхъ очеркахъ, эпизодахъ, лицахъ и біографіяхъ", изд. 1888 г. т. III, вып. II, стр. 178; такъ характеризуетъ И. Ѳ. Паскевича:

„Паскевичъ принадлежалъ къ тѣмъ баловнямъ судьбы, которымъ все дается безъ усилій. Самая наружность его выдавалась въ толпѣ. При цвѣтущемъ здоровьѣ и неутомимости въ перенесеніи военныхъ трудовъ, онъ отличался красивою наружностью.

Изъ подъ роскошныхъ темныхъ кудрей, въ художественномъ безпорядкѣ обрамлявшихъ его чело, сверкали большіе свѣтлые голубые глаза, въ которыхъ свѣтился огонь сосредоточенной рѣшимости.

Въ нихъ было, однако, что-то строгое, надменное, что на людей встрѣчавшихся съ нимъ взоромъ, производило, какъ говорятъ современники, тяжелое впечатлѣніе". *Примѣчаніе переводчика.*

отъ его имени доклады вызывали восторгъ, какъ со стороны стиля, такъ и своимъ содержаніемъ.

И вотъ, такому лицу было поручено положить конецъ счетамъ, имѣвшимъ мѣсто между Россіей и Персіей и освободить Эчміадзинскій престолъ отъ магометанскаго ига. Наступила весна 1827 года. Оклеветаннаго Ермолова уже не было на Кавказѣ, Паскевичъ самовластно распоряжался; ожидаемыя изъ Россіи войска уже прибыли; дороги не представляли зимнихъ затрудненій; поля покрывались зеленью и все было готово и обѣщивало успѣхъ Паскевичу, когда онъ двинулъ армію противъ персовъ.

II.

Никто такъ не радовался войнѣ русскихъ съ персами, какъ Нерсесъ Аштаракскій. Въ многочисленныхъ посланіяхъ своихъ зимою 1826—1827 годовъ онъ призывалъ своихъ, всюду разсѣянныхъ армянъ, не щадить жизни за святое дѣло освобожденія отчизны.

„Наступилъ часъ, писалъ онъ, когда во-очію увидимъ мы освобожденіе странъ Араратскихъ и армянскаго народа; наступилъ часъ, когда Первопрестольный Эчміадзинъ возстановитъ прежнюю свою независимость; возстаньте же молодцы—армяне, стряхните съ себя персидское иго, обрадуйте сѣдой Масисъ, т. е. Арарат, оросите на этотъ разъ вашею кровью родныя вамъ земли и потомъ живите жизнью свободною...

Пора, пора! впередъ: либо теперь, либо никогда!.."

И на призывъ Нерсеса одинаково откликнулись армяне какъ изъ С.-Петербурга, такъ и съ индійскихъ острововъ. Русское правительство старалось поддержать это воодушевленіе Нерсеса и армянскаго народа, ободряло и воодушевляло ихъ. Въ ту зиму прибылъ въ Тифлисъ командиръ главной царской арміи и близкій пріятель царя графъ Дибичъ для составленія плана военныхъ дѣйствій противъ персовъ. Видя воодушевленіе и готовность Нерсеса, Дибичъ доносилъ государю и обрисовалъ архіепископа, какъ личность, весьма полезную для русской арміи, которымъ слѣдовало воспользоваться. Въ отвѣтъ на донесенія графа Дибича, государь, 2 февраля 1827 года, соблаговолилъ дать нижеприводимую грамоту.

„Божіею милостію, Мы Николай Первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, и прочая, и прочая, и прочая.

Преосвященному Нерсесу, Епархіальному Архіепископу всѣхъ Армянъ, обитающихъ въ Грузіи.

Нарушеніе мира Персіанами и внезапное ихъ вторженіе въ наши области, подали случай Армянскому народу, въ Грузіи обитающему, явить на опытѣ свое усердіе и нелицемѣрную къ Намъ преданность. Въ сихъ обстоятельствахъ онъ доказалъ, что умѣетъ цѣнить благотворныя о немъ старанія Правительства, и что видитъ ясно превосходство настоящаго жребія своего предъ участью столь многихъ единовѣрцевъ, по инымъ странамъ разсѣянныхъ.

Поручаемъ вамъ изъявить всѣмъ Армянамъ, въ духовномъ вашемъ управленіи находящимся, совершенное благоволеніе Наше и увѣрить ихъ Императорскимъ Нашимъ словомъ въ продолже-

ніи къ нимъ особенныхъ Нашихъ милостей. Доколѣ пребудетъ непоколебима вѣрность народа вашего, обрѣтшаго надежное убѣжище подъ сѣнію Россійскаго Престола, Мы вмѣняемъ Себѣ въ обязанность неусыпно пещись о его счастіи и успокоеніи. Относя похвальное поведеніе духовной паствы вашей и къ дѣйствію пастырскихъ вашихъ увѣщаній, Мы изъявляемъ вамъ монаршую Нашу признательность и пребываемъ Императорскою Нашею милостію къ вамъ благосклонны.

СПБургъ. Февраля „2“ дня, 1827 года, Государствованія же нашего второго года“. *„Николай“.*

Графъ Дибичъ, лично вручивъ эту грамоту Нерсесу, доносилъ Императору слѣдующее: „армянскій архіепископъ Нерсесъ принялъ Высочайшую грамоту съ глубочайшею признательностью.

Грамота будетъ читана въ церквахъ и печатно обнародована на армянскомъ языкѣ. Онъ (Нерсесъ) ручается за преданность и усердіе армянскаго народа и надѣется, что если мы благополучно вступимъ въ Эриванское ханство, то у тамошнихъ армянъ найдемъ достаточное количество провіанта, въ чемъ и я увѣренъ“.

Нерсесъ, получивъ грамоту, немедленно же отдалъ ее отпечатать въ своей собственной типографіи отдѣльной брошюрой, озаглавивъ такъ: „Высочайшая милость Императора и Самодержца Всероссійскаго Николая Перваго армянскому народу, въ Грузіи проживающему“, и въ тысячахъ экземпляровъ даромъ роздалъ армянамъ. Въ брошюрѣ кромѣ грамоты на русскомъ языкѣ и ея перевода на армянскій, напечатаны были также рѣчь Нерсеса, которую онъ самъ долженъ былъ сказать на торжествѣ обнародованія Высочайшей грамоты и другое посланіе къ „достопочтеннымъ армянскимъ іереямъ и священникамъ, живущимъ въ Тифлисѣ и въ Авлабарахъ“, въ которомъ поучалъ ихъ—„оповѣстить весь армянскій народъ“ про эту монаршую милость и собраться 22-го того же февраля, вечеромъ, въ Ванкскомъ соборѣ, гдѣ должно было совершаться торжественное чтеніе грамоты. Праздникъ въ назначенный день былъ очень торжественный и Нерсесъ обратился къ многочисленной паствѣ своей съ умилительною рѣчью, восклицая: „ликуйте, ликуйте армяне!..“

III.

Наступило время дѣйствій. Считая войну, открытую противъ персовъ, дѣломъ освобожденія армянъ, Нерсесъ стремился, чтобы армяне также взялись за оружіе и копьемъ и мечомъ сдѣлались сподвижниками русскихъ. Въ немъ созрѣла мысль изъ армянъ собрать отрядъ добровольцевъ и образовать полки. Правительство, уже пригласившее для принятія участія въ этомъ бою грузинскихъ дворянъ и татарскихъ агаларовъ, съ большимъ удовольствіемъ приняло предложеніе Нерсеса о сформированіи армянскаго ополченія и оказало всевозможное содѣйствіе. Въ мартѣ 1827 г. записалось въ Тифлисѣ въ ополченцы около 200 армянъ, но число этихъ добровольцевъ съ каждымъ днемъ быстро возрастало новыми желающими. Имѣя намѣреніе лично предводительствовать авангардными войсками, идущими на Эривань, Нерсесъ еще тридцатаго марта на площади Кабахъ, гдѣ теперь Александровскій

садъ, произвелъ смотръ армянскому полку. Владыка пріѣхалъ на площадь верхомъ для привѣтствія своихъ солдатъ, воодушевилъ ихъ трогательною рѣчью, благословилъ и приказалъ пройти передъ нимъ нѣсколько разъ, подъ команду, военнымъ строемъ. Зрѣлище было умилительное. На привѣтствіе, убѣленнаго сѣдиною, архіепископа: „желаю вамъ здравствовать дѣти мои, спасибо храбрецы мои“, съ музыкой проходящій полкъ добровольцевъ отвѣтилъ громкимъ „кецце“! и „ура“ и съ восторженнымъ кликомъ армянскихъ ратниковъ сливалось неумолкаемое, оглушительное „ура“ громадной толпы зрителей.

Однако армянскій полкъ еще не былъ окончательно сформированъ и готовъ для похода, когда Нерсесъ, 2-го апрѣля, выѣхалъ изъ Тифлиса въ Джалалъ-оглы вмѣстѣ съ русскою арміею, а окончательное сформированіе армянскаго полка передалъ особому комитету.

Предсѣдателемъ этого комитета состоялъ тифлисскій военный губернаторъ генералъ-адъютантъ Сипягинъ, а членами комитета изъ армянъ были ректоръ духовнаго училища протоіерей Арутюнъ Аламдарянъ и нѣсколько почетныхъ гражданъ. Въ началѣ мая мѣсяца получилось соизволеніе государя императора на сформированіе полковъ изъ армянъ, которое и было напечатано на отдѣльныхъ листкахъ и опубликовано на армянскомъ языкѣ. 15-го мая въ Ванкскомъ соборѣ было чрезвычайное торжество. Въ этотъ день совершались освященіе полкового знамени и присяга добровольнаго полка армянскаго ополченія.

Паскевича не было въ Тифлисѣ, а на торжествѣ присутствовалъ генералъ Сипягинъ съ генералитетомъ. По окончаніи литургіи, въ оградѣ церкви выстроилось армянское ополченіе [1]); вышедшее къ нимъ изъ храма крестнымъ ходомъ армянское духовенство торжественно привело добровольцевъ къ присягѣ и, освятивъ знамя, вручило полку.

При этомъ протоіерей Арутюнъ Аламдарянъ, обратившись къ добровольцамъ, сказалъ прочувственную рѣчь, которую закончилъ словами: „Вручаемое вамъ нынѣ освященное именемъ Господа знамя сіе есть залогъ любви къ вамъ Бога и Помазанника Его. Храните же сей драгоцѣнный даръ, яко зѣницу ока своего, и да сокрушатся и устыдятся враги ваши. Да поможетъ вамъ Господь именемъ Бога Іакова, аминь!“

IV.

Планъ русско-персидской войны былъ уже готовъ и получилъ одобреніе со стороны государя. Въ началѣ весны 1827 года русскія войска должны были вступить въ предѣлы Персіи. Главная армія, подъ командою Паскевича, готовилась напасть на Эривань.

Въ моментъ прибытія въ Нахичевань съ нимъ должно было

---

[1]) Здѣсь мы опускаемъ списокъ личнаго состава ополченцевъ, а также воззваніе генерала Сипягина. Желающимъ познакомиться съ означенными вопросами рекомендуемъ обратиться къ интересному изслѣдованію А. Д. Ерицова подъ заглавіемъ: „Патріархъ всѣхъ армянъ Нерсесъ V-й и князь М. С. и княгиня Ек. Воронцовы, въ ихъ частной перепискѣ“. Поименованный трудъ Ерицова вышелъ въ свѣтъ въ 1898 году на русскомъ языкѣ. *Примѣчаніе переводчика.*

соединиться войско, сосредоточенное въ Карабагахъ; и вотъ, перейдя Араксъ, намѣревалась напасть на Тавризъ и, въ случаѣ возможности, добраться до Тегерана.

Государь желалъ, чтобы все это было исполнено въ самый короткій промежутокъ времени и чтобы до конца года установился миръ, такъ какъ со дня на день ожидалась война съ Турціей. Паскевичу было дано право заключить миръ съ персами, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы ханства Эриванское и Нахичеванское навсегда принадлежали русскимъ, границею былъ Араксъ и Персія немедленно уплатила 40 милліоновъ рублей контрибуціи. Въ случаѣ, еслибъ персы нашли эти условія пріемлемыми, то Паскевичъ долженъ былъ побудить къ возстанію противъ шаха по правую сторону Аракса расположенныхъ персидскихъ хановъ и изъ этихъ маленькихъ ханствъ создать одно независимое владычество подъ покровительствомъ Россіи.

Тѣмъ не менѣе государь не желалъ, чтобы малѣйшій клочекъ изъ земель, лежащихъ по ту сторону Аракса, составлялъ собственность русскаго государства.

Нерсесъ, ожидая съ нетерпѣніемъ открытія военныхъ дѣйствій, былъ увѣренъ, что во всѣхъ деревняхъ Эриванской губерніи, населенныхъ армянами и въ Эчміадзинскомъ монастырѣ найдется достаточное количество провіанта для прокормленія русскихъ войскъ.

Тоже самое думали Паскевичъ и Дибичъ. Надѣясь на это, русское авангардное войско, подъ командою генерала Бенкендорфа, 2-го апрѣля изъ Борчалъ отправилось въ Эривань. По просьбѣ Паскевича эту армію сопровождалъ Нерсесъ. Они должны были дойти до Эчміадзина и тамъ обосноваться лагеремъ, а затѣмъ напасть на крѣпости Эриванскую или Сардарь-Абадскую. Они должны были защитить также и мѣстныхъ армянъ до прибытія главной русской арміи. Но до прибытія Бенкендорфа и Нерсеса, персы поторопились армянъ-крестьянъ, находящихся со стороны Эривани, погнать перевести по другую сторону Аракса. Разрушивъ армянскія деревни и, уничтоживъ имѣющійся у нихъ провіантъ, непріятель старался превратить Араратское поле въ необитаемую пустыню, чтобы русскіе затруднялись двигаться впередъ. Съ этою цѣлью персы строго запретили мѣстнымъ жителямъ въ ту осень и весною производить посѣвы. Непріятель не позабылъ также опорожнить Эчміадзинскіе амбары и значительную часть монастырской братіи повелъ въ крѣпость Эривань.

9-го апрѣля, вступивъ въ непріятельскую страну, Бенкендорфъ нашелъ армянскія деревни опустошенными и ограбленными. На первыхъ же порахъ почувствовался недостатокъ провіанта и командующій войсками, двигаясь впередъ къ Эчміадзину, поспѣшно извѣстилъ Паскевича, что если ему скоро не будетъ отправленъ провіантъ изъ Тифлиса, то войско погибнетъ отъ голода. Въ то же время Нерсесъ съ полъ-дороги послалъ въ Эчміадзинъ Бюраканскаго Ивана Асланянца, чтобы онъ оповѣстилъ монастырскую братію о приближеніи русскихъ войскъ и далъ ему еще нѣсколько другихъ словесныхъ порученій.

Переодѣтый Асланянцъ былъ пойманъ персами и подвергнутъ допросу. Имѣя передъ глазами смерть, этотъ благородный юноша съ упрямствомъ отказался сообщить своимъ мучителямъ, съ ка-

кими порученіями его послалъ Нерсесъ въ Эчміадзинъ. Онъ страшно пострадалъ: персы сначала отрубили ему носъ, затѣмъ выкололи одинъ глазъ, но когда онъ вновь не пожелалъ сказать—съ какимъ порученіемъ посланъ, тогда отрѣзали языкъ и, плавающій въ крови, полумертвый трупъ, оставивъ въ полѣ, немилосердные палачи удалились.

Спустя рядъ часовъ, придя въ чувство, Асланянцъ ползкомъ дошелъ до Эчміадзина и съ отрѣзаннымъ языкомъ все же съумѣлъ дать понять, что Нерсесъ вмѣстѣ съ русскими войсками завтра или послѣ завтра прибудетъ въ монастырь. Эта геройская преданность Асланянца уже вошла въ Кавказскую русскую лѣтопись въ числѣ славныхъ дѣлъ. Лишенный носа, глаза и языка Бюраканскій Асланянцъ, по ходатайству Паскевича, былъ пожалованъ золотою медалью и пожизненною пенсіею въ годъ сто рублей.

V.

13-го апрѣля войско Бенкендорфа, въ предшествіи Нерсеса, приблизилось къ Эчміадзину. Монастырскіе колокола ликующе загудѣли. Малочисленная монастырская братія, въ полномъ составѣ—въ числѣ 22 лицъ, съ крестомъ и хоругвями вышла навстрѣчу Нерсесу и имъ приведенному войску. Русскіе съ большимъ благоговѣніемъ вошли въ святой храмъ, гдѣ архіепископъ Нерсесъ вѣскимъ словомъ возвѣстилъ братіи, что вотъ наступилъ славный день освобожденія отчизны, когда вѣковая слава Арменіи должна вновь возродиться на землѣ подъ сѣнію креста, съ которымъ идутъ къ намъ русскіе братья. „Дай Богъ, продолжалъ онъ, чтобы армянскій народъ оказался достойнымъ своего бытія и воскрешенія изъ мертвыхъ".

Одинъ русскій авторъ, описывая это торжество, прибавляетъ, что „хотя въ соборѣ литургія совершалась для русскаго войска на чуждомъ и непонятномъ языкѣ, но солдаты молились съ такимъ усердіемъ, какъ только можетъ молиться человѣкъ, когда онъ находится вдали отъ своей родины".

Войска Бенкендорфа расположились въ оградѣ монастыря. Но монастырь самъ былъ раззоренъ и не имѣлъ хлѣба, а изъ Грузіи, вслѣдствіе худыхъ дорогъ, скоро не могла поспѣть помощь.

Войско мучилось отъ голода и Бенкендорфъ вынужденъ былъ хлѣбъ отыскивать въ окрестностяхъ. Оставивъ для охраны Эчміадзинскаго монастыря одну бригаду войска и больныхъ, Бенкендорфъ съ остальными полками пошелъ на Сардарь-Абадъ, но, не будучи въ состояніи взять эту твердыню, вернулся назадъ и осадилъ Эриванскую крѣпость.

Осада продолжалась долго и описаніе ея внѣ программы пишущаго, а что происходило въ это время, какія стычки имѣли мѣсто между русскими и персами, частности о нихъ можно найтти въ описаніяхъ военныхъ историковъ.

12-го мая изъ Тифлиса выѣхалъ на полѣ военныхъ дѣйствій самъ Паскевичъ въ сопровожденіи пятисотъ верховыхъ, армянскихъ и грузинскихъ дворянъ и князей. Прибыла и главная русская армія. 17-го мая выѣхалъ изъ Тифлиса и армянскій кавалерійскій полкъ со своимъ знаменемъ. На пути съ ликованіемъ вы-

ходили навстрѣчу армянскому полку армяне—крестьяне и сами же присоединялись къ полку, такъ что еще до прибытія къ границамъ Эривани число армянскихъ солдатъ уже превышало тысячу душъ.

„Они, доносилъ Паскевичъ государю, самоотверженно преданы Россіи и усердны".

По словамъ русскихъ писателей, трудно описать воодушевленіе армянскаго полка, когда онъ приблизился къ стѣнамъ Эчміадзина, гдѣ развѣвался уже русскій флагъ.

VI.

Наконецъ, 8-го іюня, Паскевичъ прибылъ въ Эчміадзинъ, духовенство съ крестомъ и хоругвями встрѣтило его. Принималъ его Нерсесъ, остававшійся въ монастырѣ для оказанія помощи больнымъ солдатамъ. Тяжела была эта обязанность Аштаракскаго, такъ какъ въ русскомъ войскѣ, осаждающемъ Эривань—вслѣдствіе сквернаго климата—сильно распространились болѣзни и армія Бенкендорфа, не вынося зноя, быстро истощалась.

Больныхъ посылали въ Эчміадзинъ на попеченіе Нерсеса. Паскевичъ принужденъ былъ вмѣсто войскъ Бенкендорфа назначить полки генерала Красовскаго и имъ поручилъ продолжать дѣло осады.

19-го іюня Паскевичъ съ главною арміею пошелъ впередъ къ Гарни, откуда 21-го пустился въ путь къ Нахичевани. Во время страшной жары, по безводной и необитаемой Шарурской пустынѣ войска въ теченіи шести дней прошли разстояніе въ 72 версты и безъ пролитія крови вошли въ городъ Нахичевань. Но, оставивъ Нахичевань безъ защиты, персы свои силы сосредоточили въ близъ-лежащей твердой крѣпости Аббасъ-Абадѣ. Русскіе осадили Аббасъ-Абадъ и начали бомбардировать его. Въ этотъ моментъ на правомъ берегу Аракса появился Аббасъ-Мирза приблизительно съ шестнадцати-тысячною конницею. Русскіе перешли Араксъ и въ долинѣ рѣчки, называемой Джеванъ-Булакомъ, нанеся сильное пораженіе, обратили въ бѣгство персовъ. 7-го іюля русскимъ сдался Аббасъ-Абадъ.

VII.

Пока эти побѣды одерживались въ Нахичеванскомъ ханствѣ, осаждающій Эривань Красовскій, вслѣдствіе распространенія эпидемическихъ болѣзней въ войскахъ, вынужденъ былъ бросить осаду и войска повести на дачу въ сторону Башъ-Абарани, откуда одинаково близко были, какъ Эривань и Эчміадзинъ, такъ и Сардарь-Абадъ.

Такимъ образомъ взятіе Эривани было отложено до середины августа мѣсяца. Въ концѣ августа, когда уже воздухъ смягчается, онъ ожидалъ получить изъ Тифлиса большія пушки и новыя войска для взятія крѣпостей, и тогда онъ намѣревался вернуться и взять какъ Эривань, такъ и Сардарь-Абадъ.

21-го іюня Красовскій, покинувъ Эривань, со всею своею арміею прибылъ въ Эчміадзинъ, гдѣ остался до 30-го числа. Въ это время онъ перевелъ въ монастырь своихъ больныхъ, число

которыхъ превышало тысячу душъ, укрѣпилъ ограду монастыря, собралъ достаточное количество провіанта и, оставивъ для защиты Эчміадзина одну бригаду войска, пять пушекъ и армянскую конницу, съ остальной арміей 30-го числа пустился въ дорогу къ Ошакану и заночевалъ близъ Аштарака. На слѣдующій день, 1-го іюля, русскіе поднялись въ сторону Абарани и на высокомъ гористомъ мѣстѣ расположились своимъ лагеремъ.

Вслѣдствіе временнаго удаленія русскихъ, осажденные эриванцы свободно вздохнули, такъ какъ въ крѣпости, кромѣ персидскихъ войскъ, сардарь собралъ большое множество магометанскихъ и армянскихъ народностей, которыя отъ зноевъ того лѣта сильно изнемогали и заболѣвали. Зная, что къ осени русскіе вновь должны осаждать крѣпость, сардарь старался воспользоваться случаемъ отступленія непріятеля.

Онъ сталъ укрѣплять Эривань и задумалъ, во что бы то ни стало, взять Эчміадзинъ. Съ этимъ намѣреніемъ, 4-го іюля, сардарь приблизился къ Эчміадзину, имѣя съ собою 4-хъ тысячную конницу, двѣ бригады сарбазовъ [1]) и двѣ пушки.

Дойдя до монастыря, сардарь написалъ русскому военачальнику, что Красовскій уже повернулъ назадъ въ Грузію и не можетъ оказать помощи, совѣтовалъ не слушаться архіепископа Нерсеса, котораго называлъ „обманщикомъ“ и предлагалъ сдаться, обѣщая ихъ свободно отпустить, а въ противномъ случаѣ угрожалъ истребить всѣхъ и разрушить монастырь. Въ отвѣтъ на это изъ монастырскихъ стѣнъ загрохотала пушка и бомба разорвалась передъ персами. Сардарь подвинулся назадъ, но его конница заняла всѣ дороги, чтобы монастырь ни съ кѣмъ не имѣлъ сношеній. Тѣмъ не менѣе, изъ монастыря вышедшіе нѣсколько всадниковъ армянъ полетѣло извѣстить Красовскаго о случившемся. Генералъ, взявъ двѣ бригады и четыре пушки, 5-го іюля поспѣшилъ на помощь къ Эчміадзину. Узнавъ о приближеніи русскихъ, сардарь со своимъ войскомъ вернулся въ Эривань. Но едва Красовскій ушелъ, какъ персидская конница вновь вернулась. Послѣ этого непріятель очень часто показывался, но не осмѣливался приблизиться къ монастырю.

VIII.

Недолго продолжалось такое положеніе. Неожиданно, 4-го августа, въ Эчміадзинскомъ полѣ появился Аббасъ-Мирза приблизительно съ тридцати-тысячнымъ войскомъ. На второй день шахзадэ остановился въ 15-ти верстахъ отъ монастыря, а 6-го числа двинулся впередъ и вошелъ въ деревню Аштаракъ.

Послѣ нѣсколькихъ мелкихъ стычекъ, замѣтивъ, что Красовскій со своимъ всего-то четырехъ тысячнымъ войскомъ имѣетъ очень прочную позицію и не двигается впередъ, Аббасъ-Мирза рѣшилъ сначала напасть на Эчміадзинъ. Шахзадэ намѣревался — по взятіи Эчміадзина—поспѣшить въ Грузію, разрушить Тифлисъ и затѣмъ черезъ Ганжу и Карабагъ вернуться въ Персію. Онъ легко могъ исполнить все это, такъ какъ Паскевичъ своею глав-

[1]) Сарбазъ—персидская регулярная пѣхота.
Примѣчаніе переводчика.

ною арміею находился въ Нахичеванскихъ краяхъ и совершенно не имѣлъ свѣдѣній о томъ, что Аббасъ-Мирза съ такимъ большимъ войскомъ изъ Персіи вышелъ и добрался до Эривани. И вотъ августа 15-го Аббасъ-Мирза со своей арміей прибылъ въ Ошаканъ, чтобы на слѣдующій день напасть на Эчміадзинъ. 15-го августа 1827 года, къ вечеру, персидскія войска въ большомъ количествѣ окружили Эчміадзинскій монастырь.

По приказу Аббаса-Мирзы, его командующій войсками Юсуфъ-ханъ предложилъ русскому начальнику крѣпости—„сдай Эчміадзинъ“, а послѣдній лаконически отвѣтилъ: „не сдамъ“. Затѣмъ, ханъ написалъ Нерсесу слѣдующее письмо: „если ты добровольно не отворишь ворота, то я окружу монастырь большими пушками и мортирами и раззорю его до основанія.“

„Тогда, Нерсесъ, грѣхъ будетъ лежать на твоей душѣ“.

Нерсесъ отвѣтилъ: „монастырь силенъ защитою Бога, бери, если можешь“.

Послѣ этого отвѣта персы разставили въ рядъ свои пушки и въ ночной темнотѣ начали усиленно бомбардировать монастырь.

Грохотало все Араратское поле и бѣшенный ревъ пушекъ доходилъ до подножія горы Ара, гдѣ была расположена русская армія.

Храбрый Красовскій волновался и горячился, не получая никакихъ извѣстій изъ Эчміадзина.

Хотя Нерсесъ въ продолженіе этой страшной ночи нѣсколько разъ послалъ людей къ генералу съ извѣстіями, но всѣ попали въ руки непріятеля и персы двумъ изъ нихъ выкололи глаза, двумъ отрѣзали носы и уши, а нѣкоторые пропали безъ вѣсти и неизвѣстно, какою смертію умерли.

Одинъ только съумѣлъ добраться и словесно сообщить Красовскому, что Нерсесъ проситъ о помощи. Въ это время эриванскій знатный меликъ Саакъ Агамалянъ секретно сообщилъ генералу, что Аббасъ-Мирза спѣшитъ до основанія разрушить Эчміадзинъ, чтобы скорѣе могъ осадить Грузію.

IX.

Красовскій не зналъ, что дѣлать. Войска, идущія изъ Тифлиса съ громадными пушками, должны были прійти черезъ три дня, а до того времени оставить Эчміадзинъ безъ помощи—значило—подвергнуть уничтоженію монастырь и его малочисленныхъ защитниковъ. Пока генералъ находился въ такомъ раздумьи, съ утра, 16-го августа, еще больше усилился доносившійся со стороны монастыря грохотъ пушекъ, который продолжался до обѣда, а затѣмъ смолкъ.

Было ясно, что непріятель намѣревался уничтожить монастырь окончательно.

Больше не было времени мѣшкать: „монастырь въ опасности, надо идти на помощь“, сказалъ Красовскій и приказалъ войскамъ готовиться въ походъ. Въ это время извѣстили генерала, что защитники монастыря сильно изнемогаютъ отъ недостатка хлѣба, поэтому надлежитъ помочь имъ провіантомъ. Только впослѣдствіи выяснилось, что эта вѣсть была невѣрная, такъ какъ въ монастырѣ еще было достаточно хлѣба.

16-го августа, къ вечеру, Красовскій уже двинулся въ путь къ Эчміадзину. Онъ велъ съ собою около 1800 душъ пѣхотинцевъ и 500 конныхъ, 12 пушекъ, около ста душъ изъ армянскихъ ополченцевъ и нѣсколько сотенъ телѣгъ, нагруженныхъ съѣстными припасами. Отъ мѣста стоянки войскъ до Эчміадзина было около 35 верстъ. Уже темнѣло, когда на холмахъ близъ Ошакана появились персидскіе полки.

Въ 9 часовъ вечера русскіе остановились на нѣсколько часовъ для отдыха; на слѣдующій день еще до разсвѣта они вновь продолжили путь. Дорога была очень каменистая, колеса телѣгъ и пушекъ ломались и препятствовали быстрому передвиженію войскъ. Въ этотъ день солнце сильно припекало и по проѣзжаемымъ мѣстностямъ не было воды.

Солдаты почти на своихъ плечахъ переносили тяжести телѣгъ и, утомленные, изнемогали отъ жажды. Русскіе шли по гористымъ холмамъ лѣвой стороны рѣки Касахъ. Съ правой стороны рѣки рядомъ сопровождалъ персидскій пѣхотный полкъ со своими пушками; войска дошли, наконецъ, до того мѣста, гдѣ должны были вступить въ тѣсный и каменистый оврагъ (лощину). Вотъ въ этомъ трудно-проходимомъ ущельѣ справа и слѣва, спереди и сзади окружили русскихъ персидскіе многочисленные полки. Началась страшная рѣзня. Шагъ за шагомъ остріями копей открывали себѣ дорогу солдаты, но постепенно выбивались изъ силъ. Съ геройствомъ умирали русскіе полководцы и офицеры; ихъ примѣру слѣдовали другіе. Подъ генераломъ Красовскимъ два раза убили коня и ранили его въ лѣвую руку, но онъ скрывалъ сильную боль и мужественно велъ войска впередъ. Наконецъ, спасшіеся отъ смерти, сверхъестественною храбростью вышли изъ лощины и начали спускаться къ Эчміадзинскому полю, но здѣсь ихъ ожидалъ новый ударъ. Чувствуя сильную жажду, отъ усталости съ трудомъ передвигающіеся солдаты увидѣли передъ собою мутную канаву, проведенную для орошенія виноградныхъ садовъ. Не слыша болѣе приказа своего начальника, несчастные въ безпорядкѣ набросились на эту канаву, съ жадностью утоляя свою жажду; и вотъ, въ это время неожиданно посыпались на нихъ персы и почти всѣхъ избили.

Русскіе солдаты до такой степени были утомлены, что здѣсь и тамъ падали и даже не сопротивлялись, когда имъ отрубали головы.

Персы рѣзали ихъ подобно баранамъ и отрубленныя головы собирали и уносили, такъ какъ шахзадэ обѣщалъ платить за каждую голову русскаго 10 золотыхъ, а за каждую голову армянина — 5 золотыхъ.

Такимъ образомъ, на полѣ сраженія разбросанные трупы русскихъ большею частью были обезглавлены.

Къ счастью, со стороны Эчміадзина выступили на помощь войска, охраняющія монастырь. Увидя это, персы отодвинулись назадъ и рѣзня прекратилась. Для малочисленнаго армейскаго полка Красовскаго, который едва достигалъ 2400 душъ, 17-е августа поистинѣ было злосчастнымъ днемъ.

Не считая раненныхъ и 200 душъ взятыхъ въ плѣнъ, въ этотъ день на полѣ сраженія остались трупы 24 офицеровъ и 1130 солдатъ.

Быть можетъ, эта рѣзня была бы еще большая, если бы русскимъ не помогъ эриванецъ Яковъ Арутюнянцъ. Онъ, будучи персидско-подданнымъ, уже давно служилъ въ войскахъ сардаря и былъ извѣстенъ, какъ хорошій бомбардиръ. Въ настоящемъ сраженіи Якову передали англійскую пушку для избіенія русскихъ. Сначала онъ преданно исполнялъ свое дѣло, но въ моментъ разгара сраженія, увидя пораженіе христіанскихъ войскъ, тѣхъ войскъ, которыя спѣшили освободить Эчміадзинъ, вдругъ сжалился, онъ повернулъ дуло пушки и сталъ истреблять не русскихъ, а самихъ персовъ.

Такимъ образомъ, онъ далъ возможность русскимъ одну бригаду войска невредимою освободить изъ рукъ персовъ.

Яковъ былъ пойманъ на мѣстѣ преступленія и хотя во время боя и общей суматохи скрылся, но скоро вновь былъ задержанъ.

По приказу сардаря ему выкололи оба глаза, отрѣзали носъ, губы, уши и пятки ногъ и бросили въ полѣ среди избитыхъ.

Этотъ обезображенный и замученный человѣкъ, спустя нѣсколько часовъ, придя въ сознаніе, ползая на рукахъ, еле-еле добрался до Эчміадзина. Русское правительство, провѣривъ вышеизложенный фактъ, наградило его: подаривъ единовременно 10 золотыхъ (31 р. 50 к.) и назначивъ пожизненную пенсію ежегодно 100 рублей.

Пока бой продолжался, Нерсесъ и вся Эчміадзинская братія, въ облаченіяхъ, собравшись въ соборѣ и передъ мѣстомъ Св. Сошествія, колѣнопреклоненные, молились передъ Господомъ о дарованіи побѣды русскимъ войскамъ.

Нерсесъ держалъ въ рукахъ поднятое вверхъ святое копье, омоченное кровью Христа, и горячо молился, проливая слезы. Одинъ очевидецъ русскій писатель по этому случаю пишетъ: „Это поистинѣ было трогательное зрѣлище... оставшіеся въ монастырѣ солдаты, тяжело больные, ползкомъ входили въ соборъ и молча, но усердно молились“.

Когда сраженіе кончилось, оставшіеся въ живыхъ солдаты, обезсиленные и измѣнившіеся, группами и въ безпорядкѣ направились къ Эчміадзину.

Открылись двери монастырской ограды, загудѣли колокола и монастырская братія съ крестомъ и хоругвями вышла навстрѣчу своимъ освободителямъ.

„Эта одна горсть русскихъ братьевъ, разчувствовавшись, говорилъ Нерсесъ, разорвала, пробилась къ намъ сквозь тридцати тысячную разъяренную персидскую армію. Этотъ малочисленный полкъ удостоился безсмертной славы и имя генерала Красовскаго навѣки останется неизгладимымъ въ лѣтописяхъ Эчміадзина“. [1]).

---

[1]) Желая увѣковѣчить память русскихъ воиновъ, павшихъ для защиты Эчміадзина, католикосъ Ефремъ въ 1831 году обратился къ правительству, прося разрѣшеніе за счетъ монастыря воздвигнуть памятникъ въ четырехъ верстахъ отъ Эчміадзина тамъ, гдѣ, 17 августа 1827 года, были убиты вышеупомянутые воины. Католикосъ желалъ, чтобы на пьедесталѣ памятника на мѣдныхъ дощечкахъ были выгравированы имена тѣхъ полковъ и ихъ начальниковъ, которые приняли участіе въ вышеупомянутомъ сраженіи. По приказу верховнаго патріарха проектъ этой колонны, имѣющей одиннадцать саженей высоты составилъ русскій инженеръ Компанейскій. Въ дни патріаршества Іоанесса Карбскаго—Ефремъ повторилъ свое предложеніе и начальникъ края баронъ Розенъ, 24 декабря 1831 года, написалъ министру Блудову, что „старый патріархъ, желая на свои собственныя средства воз-

И, дѣйствительно, что Эчміадзинъ долженъ былъ подвергнуться страшной опасности, если бы Красовскій не пришелъ на помощь. Вообще, хотя много жертвъ унесъ упомянутый бой, извѣстный въ военной исторіи подъ именемъ „Аштаракскаго сраженія“, тѣмъ не менѣе онъ въ числѣ русскихъ подвиговъ занялъ весьма почетное мѣсто.

Сколько ни старался Паскевичъ запятнать это блестящее геройство генерала Красовскаго—не смогъ, и императоръ Николай изъ злобныхъ докладовъ того же самого Паскевича заключилъ, что упомянутый бой стоитъ выше обыкновенныхъ побѣдъ. Прочитавъ донесеніе Паскевича, государь соблаговолилъ собственноручно начертать: „столь смѣлое и удачное предпріятіе заслуживаетъ быть причислено къ достопамятнѣйшимъ подвигамъ храбраго русскаго воинства. Дать Красовскому орденъ Св. Владиміра 2-ой степени, а это событіе занести въ календарь“.

Безпристрастная царская милость еще больше возбудила вражду Паскевича противъ Красовскаго и жертвою этой злобы сдѣлались, какъ Аштаракскій герой, такъ и его близкій другъ Нерсесъ Аштаракскій.

X.

Генералъ-лейтенантъ Афанасій Ивановичъ Красовскій былъ извѣстенъ, какъ смѣлый и опытный командиръ и какъ безстрашный солдатъ. Происходя изъ знатнаго украинскаго рода, онъ въ первые годы своей молодости поступилъ на военную службу и начиная съ 1804 года былъ участникомъ почти всѣхъ войнъ, веденныхъ императоромъ Александромъ I. Благодаря своимъ подвигамъ онъ очень быстро выдвинулся.

Императоръ Николай въ день своей коронаціи наградилъ его чиномъ генералъ-лейтенанта и, поручивъ командованіе двадцатой дивизіей, вмѣстѣ съ этими войсками послалъ въ Грузію, гдѣ начиналась война съ Персіей. Прибывъ на Кавказъ, Красовскій—по просьбѣ Дибича—сдѣлался командиромъ главной арміи, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда исправленіе обязанностей Ермолова было возложено на Паскевича. Съ первыхъ же дней между Паскевичемъ и Красовскимъ возникли несогласія и послѣдній сталъ подвергаться разнаго рода преслѣдованіямъ.

Русскіе авторы, имѣющіе по этому предмету достаточно интересныхъ матеріаловъ, разсказываютъ, между прочимъ, слѣдующій фактъ, изъ котораго можно видѣть мстительную натуру Паскевича.

здвигнуть памятникъ воинамъ, павшимъ при защитѣ Эчміадзина 17 августа 1827 г., проситъ разрѣшенія. Не могу не уважить настоящее желаніе патріарха Ефрема, въ особенности, что этотъ старецъ всюду, будучи принимаемъ, какъ святой и этому памятнику воздастъ тотъ почетъ, который онъ самъ внушаетъ всѣмъ“.

Государь императоръ соблаговолилъ дать свое одобреніе и, 9 мая 1833 года, въ день Св. Николая Чудотворца, Ефремъ и Іоанессъ католикосы съ большимъ торжествомъ совершили закладку упомянутаго памятника, а открытіе памятника послѣдовало въ слѣдующемъ году. Памятникъ стоитъ и до сего дня и каждый годъ 17-го августа Эчміадзинская братія у памятника совершаетъ торжественную панихиду.

Примѣчаніе автора.

Когда Паскевичъ, 8-го іюня, совершилъ торжественный въѣздъ въ Эчміадзинъ, съ нимъ вмѣстѣ былъ его близкій помощникъ генералъ Красовскій.

Оставшись доволенъ пріемомъ, оказаннымъ Нерсесомъ, Паскевичъ заказалъ—находящемуся при немъ знаменитому художнику Машкову—написать большую картину подъ названіемъ: „Торжественный пріемъ русскихъ войскъ архіепископомъ Нерсесомъ [1])“.

Когда художникъ представилъ набросокъ своей картины, Паскевичъ стеръ на ней портретъ Красовскаго.

На второй день Красовскій оставилъ свою должность и, вновь вступивъ въ командованіе двадцатой дивизіей, взялся вмѣсто Бенкендорфа продолжать осаду Эривани.

XI.

Вернемся къ событіямъ. Въ серединѣ августа въ сторону Нахичевани находящійся Паскевичъ со своей главной арміей, готовился напасть на Тавризъ, гдѣ предполагалъ найтти Аббаса-Мирзу, когда вдругъ узналъ, что шахзадэ прошелъ въ сторону Эривани.

Нѣсколько дней не имѣя вѣрныхъ извѣстій, наконецъ, 27-го августа онъ получилъ печальное описаніе сраженія, даннаго Красовскимъ.

Откладывая уже свой лелѣемый набѣгъ на Тавризъ, Паскевичъ вечеромъ того же дня взялъ большую часть войскъ изъ главной арміи, 20 пушекъ и пустился въ путь къ Эчміадзину съ цѣлью помочь Красовскому. 3-го сентября Паскевичъ дошелъ до Гарни.

Аббасъ-Мирза, узнавъ объ его прибытіи, немедленно удалился, перешелъ Араксъ и остановился въ мѣстечкѣ Кара-Кала Сурмалинскаго уѣзда.

5-го сентября, въ 10 часовъ вечера, Паскевичъ со своимъ войскомъ добрался до Эчміадзина.

„Несмотря на то, пишетъ другой русскій авторъ, что была поздняя пора, архіепископъ Нерсесъ вышелъ навстрѣчу съ подобающими почестями. Но Паскевичъ съ нимъ обошелся холодно, потому что считалъ его однимъ изъ главныхъ виновниковъ Аштаракскаго сраженія. Вотъ съ этого момента начинается явное недовольство Паскевича этимъ почтеннымъ представителемъ армянской церкви“.

---

[1]) Художникъ Машковъ, сопровождая Паскевича и будучи очевидцемъ главныхъ происшествій персидской кампаніи, кромѣ поименованной картины, написалъ еще 13 другихъ большихъ картинъ, изображающихъ слѣдующіе моменты: 1, „пораженіе персовъ подъ Елизаветополемъ“; 2, „сраженіе при Джеванъ-Булакѣ“; 3, „положеніе побѣдителей и побѣжденныхъ по окончаніи Джеванъ-Булакскаго боя“; 4, „сдача крѣпости Аббасъ-Абада“; 5, „взятіе Сардарь-Абада“; 6, „покореніе Эривани“; 7, „переправа русскихъ войскъ черезъ Араксъ“; 8, „торжественное вступленіе въ Тавризъ“; 9, „походъ на Тавризъ“; 10, „первое свиданіе графа Паскевича съ Аббасъ-Мирзою“; 11, „заключеніе мира въ Туркманчаѣ“; 12, „персидскій транспортъ, переходящій черезъ горы и 13, „пріемъ контрибуціоннаго золота въ Тавризѣ“. Художникъ Машковъ старался по возможности точно изобразить въ своихъ картинахъ всѣ роды войскъ, какъ русскихъ, такъ и персидскихъ, въ ихъ характерныхъ типахъ и костюмахъ.

Примѣчаніе переводчика.

На слѣдующій день, утромъ, присоединился къ войскамъ главной арміи Красовскій со своимъ войскомъ и съ большими пушками для взятія крѣпостей. Паскевичъ напалъ на Красовскаго и потребовалъ объясненіе, зачѣмъ онъ поспѣшилъ идти на помощь Эчміадзину.

Такъ какъ, отвѣтилъ генералъ, я боялся, чтобы непріятель не разрушилъ ограду и не взялъ монастырь. Паскевичъ рѣшительнымъ тономъ сказалъ, какъ и самъ пишетъ „я видѣлъ стѣны монастыря и ваше опасеніе было напрасно, и что лучше было непріятеля допустить взять Эчміадзинъ, чѣмъ рисковать судьбою войны для его спасенія. Я предпочелъ бы потерять сей пунктъ, чѣмъ сдѣлать то, что вы сдѣлали".

Красовскій же въ своихъ мемуарахъ пишетъ: „отъ меня Паскевичъ не пожелалъ принять никакихъ объясненій, хотя я, какъ единственной милости, просилъ его о подчиненныхъ, поистинѣ заслуживавшихъ примѣрнаго вознагражденія, и обращалъ его вниманіе на достойнаго сотрудника моего, архіепископа Нерсеса"; но Паскевичъ мнѣ отвѣтилъ: „я отдѣлаю твоего господина архіепископа добрымъ порядкомъ, чтобы онъ не смѣлъ вводить въ ошибки тамъ, гдѣ нѣтъ моего присутствія".

Паскевичъ не удовлетворился и этимъ грубымъ обхожденіемъ; онъ, чтобы еще больше оскорбить Красовскаго, началъ распрашивать его подчиненныхъ и даже его солдатъ.

„Архіепископъ Нерсесъ, пишетъ Красовскій, при всей его скромности, не могъ скрыть отъ меня, сколько онъ былъ огорченъ самою обидною съ нимъ встрѣчею"...

Чтобы тамъ ни было, но Паскевичъ еще нуждался въ помощи, какъ Нерсеса, такъ и Красовскаго, поэтому принужденъ былъ на нѣкоторое время смягчить свой поступокъ. Пока изъ Грузіи ожидаемыя войска и большія пушки уже успѣли прибыть, сила около Эчміадзина сосредоточенной русской арміи теперь была столь велика, что легко можно было бы осаждать Эривань и Сардарь-Абадъ. Паскевичъ счелъ нужнымъ взять прежде Сардарь-Абадъ и затѣмъ напасть на Эривань.

XII.

Крѣпость Сардарь-Абадъ находилась на равнинѣ, разстилающейся отъ Эчміадзина къ Араксу, на разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ деревни Шахріаръ. Крѣпость была построена эриванскимъ сардаремъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ крѣпкими квадратными и высокими стѣнами и башнями — большею частью даровымъ трудомъ армянскихъ крестьянъ—изъ большихъ гранитъ, принесенныхъ (кажется) съ развалинъ близъ лежащаго Армавира, на которыхъ, т. е. гранитахъ, теперь было найдено нѣсколько гвоздеобразныхъ надписей. Крѣпость считалась неприступною и была вооружена множествомъ пушекъ. Кромѣ нѣсколькихъ тысячъ войскъ, охраняющихъ крѣпость, начальникомъ которыхъ былъ знаменитый Гасанъ-ханъ, персы собрали въ крѣпости изъ окрестныхъ деревень армянскихъ и татарскихъ жителей, большой запасъ съѣстныхъ припасовъ и пр. Однимъ словомъ, взятіе Сардарь-Абада представлялось не легкимъ дѣломъ.

Паскевичъ это зналъ и для начатія правильной осады у него не хватало хлѣба. Гордый военачальникъ снизошелъ и, вдругъ смягчившись, обратился къ Нерсесу—достать хлѣбъ для войска. Аштаракскій, посвятившій себя армянскимъ высокимъ интересамъ, тотчасъ забылъ про грубый поступокъ съ нимъ Паскевича и обѣщалъ для войска раздобыть провіантъ, если съ нимъ онъ пошлетъ нѣсколько полковъ до деревни Когбъ Сурмалинскаго уѣзда, гдѣ—соляныя копи.

9-го сентября, по приказу Паскевича, въ сопровожденіи Нерсеса и Красовскаго, русская армія двинулась въ путь изъ Эчміадзина къ Шахріару.

Дойдя до этой деревни, армія раздѣлилась на двѣ части.

Большая часть вмѣстѣ съ Паскевичемъ пошла и окружила Сардарь-Абадъ, а меньшая часть, предводительствуемая Нерсесомъ и подъ командою генерала Сухтелена, быстро перешла Араксъ, достигла Когба, гдѣ она нашла нѣсколько тысячъ сомаровъ хлѣба и ячменя, собранныхъ руками персовъ; взявъ все это, съ тою же быстротою вернулась и 12-го числа того же мѣсяца соединилась съ арміей Паскевича. Нерсесъ въ Когбѣ нашелъ собранныхъ персами нѣсколько сотъ армянскихъ семействъ изъ деревень Аштарака, Ошакана и Фаракара, которыхъ и взялъ всѣхъ съ собою и отправилъ на свои мѣста. Это внезапное нападеніе русскихъ на Когбъ такъ повліяло на Аббаса-Мирзу, остановившагося въ ближайшей мѣстности Кара-Кала, что онъ тотчасъ же удалился со своими войсками въ Маку.

Паскевичъ сильно обрадовался, когда Нерсесъ, исполнивъ свое обѣщаніе, доставилъ столько провіанта русской арміи. Желая еще больше использовать то нравственное вліяніе Нерсеса, которое онъ оказывалъ, какъ на армянскія, такъ и на татарскія народности, Паскевичъ просилъ его написать воззваніе или прокламацію армянскимъ жителямъ Сардарь-Абада, чтобы они сдались русскимъ, примѣру которыхъ могли послѣдовать, конечно, другіе защитники крѣпости. И вотъ, 12-го сентября, Нерсесъ написалъ и опубликовалъ прокламацію [1]).

13-го сентября началась осада Сардарь-Абада. Взятіе крѣпости было возложено на генерала Красовскаго, который, несмотря на имѣющуюся рану и свою болѣзнь, энергично началъ дѣло и лично руководилъ бомбардировочными приготовленіями.

Утромъ, 18-го числа двадцатью громадными пушками начали бомбардировать крѣпость и на слѣдующій день также продолжали тоже самое.

Въ этотъ день, вечеромъ, въ Сардарь-Абадѣ осажденные армяне понуждали Гасанъ-хана сдаться русскимъ.

Ханъ, воспользовавшись ночною темнотою, тайкомъ вышелъ изъ крѣпости вмѣстѣ со своими войсками и бѣжалъ въ Эривань.

Одинъ армянинъ прибѣжалъ въ русскую армію со слѣдую-

---

[1]) Не желая удлинять очерковъ, мы опускаемъ текстъ прокламаціи; тѣмъ не менѣе полагаемъ, что читатель легко пойметъ изъ дальнѣйшаго изложенія по результату военныхъ дѣйствій, какое воздѣйствіе оказала эта прокламація Нерсеса на армянъ, находящихся въ крѣпости и внѣ ея.

Примѣчаніе переводчика.

щими словами: „солдатъ, иди, сардарь ступай", этимъ онъ далъ понять о бѣгствѣ непріятеля.

Одна часть русской конницы преслѣдовала сардаря и хотя въ темнотѣ долго гналась за убѣгающими, но, потерявъ дорогу, принуждена была вернуться обратно, приведя съ собою около 250 плѣнниковъ вмѣстѣ съ сарбазомъ.

Гасанъ-ханъ спасся, погнавъ коня къ турецкой границѣ.

Послѣ бѣгства персовъ, армяне открыли ворота крѣпости Сардарь-Абада и пригласили туда русскихъ. 20-го сентября навстрѣчу Паскевичу вышли армянское духовенство съ крестомъ и хоругвями и народъ. Такъ палъ неприступный Сардарь-Абадъ, оставивъ русскимъ 13 пушекъ, большой запасъ хлѣба и другую провизію.

Окончательно освободились армяне, грузины и нѣмецкіе плѣнники изъ колоніи Катеринфельдтъ, которыхъ здѣсь собрали персы. Въ числѣ этихъ плѣнниковъ былъ и одинъ 14-ти лѣтній грузинъ Спиридонъ Эсадзе, котораго взялъ подъ свое покровительство Нерсесъ и послалъ въ Тифлисъ учиться въ семинарію своего имени. Это—тотъ самый Эсадзе, который, окончивъ курсъ въ Нерсесіанской семинаріи, поступилъ на государственную службу, пріобрѣлъ доброе имя и скончался въ семидесятыхъ годахъ, имѣя чинъ жандармскаго генерала. Онъ до своей смерти былъ признателенъ Нерсесу и всегда былъ другомъ и почитателемъ армянской народности.

XIII.

Взявъ Сардарь-Абадъ, Паскевичъ оставилъ для охраны крѣпости одну бригаду русскаго войска и армянскій полкъ, а самъ съ остальными войсками, 23-го сентября, прибылъ въ Эчміадзинъ и на слѣдующій день, взявъ съ собою Нерсеса, совершилъ набѣгъ на Эривань.

Началась осада Эривани. Обложили громадными русскими пушками крѣпость съ четырехъ сторонъ и 25-го числа уже начали бомбардировать городъ.

Оставляя описаніе частностей военныхъ дѣйствій, что въ сущности относится къ военной исторіи, упомянемъ только, что—по просьбѣ Паскевича — Нерсесъ непосредственно сталъ вести переговоры съ жителями осажденнаго города. Тамъ было собрано персами около 10—12 тысячъ армянъ, часть Эчміадзинской братіи и др. Самъ сардарь давно бѣжалъ и на его мѣсто пришелъ охранять крѣпость его братъ Гасанъ-ханъ, который нѣсколько дней тому назадъ сдалъ Сардарь-Абадъ русскимъ. Нерсесъ безпрестанно посылалъ увѣдомленія эриванцамъ, чтобы они сдались. Его письма доставляли и приносили отвѣтъ сомоотверженные армянскіе храбрецы. Одинъ изъ нихъ, нѣкій Аствацатуріанъ, былъ пойманъ во время раздачи прокламацій, создававшихъ смуту. Персы положили его въ пушку и подожгли. Паскевичъ женѣ этого несчастнаго мученика подарилъ 10 золотыхъ и назначилъ пожизненную пенсію ежегодно 30 рублей. Съ одной стороны писанія Нерсеса, а съ другой стороны страшный вредъ, причиненный русскими пушками, заставили осажденныхъ эриванцевъ обратиться къ Гасанъ-хану, чтобы онъ сдался и освободилъ ихъ отъ

страшной смерти. Но ханъ, устрашивъ ихъ, продолжалъ защиту крѣпости. Возбужденные сопротивленіями персовъ, русскіе продолжали бомбардировку. Для эриванцевъ особенно была страшна ночь 30-го сентября, когда 40 пушекъ до утра выпустили около тысячи бомбъ на городъ, разрушили и сожгли много зданій. Жители погибли подъ развалинами.

Женщины и дѣти жалостно умоляли Гасанъ-хана сдать крѣпость русскимъ; ханъ угрозами заставлялъ ихъ молчать. Разсвѣло, наконецъ, 1-ое октября; народъ въ ужасѣ и въ отчаяніи, выстроившись въ рядъ на стѣнѣ, платками давалъ знать русскимъ, что онъ готовъ сдаться. Многіе, имѣя передъ глазами опасность, спускались внизъ съ разрушенныхъ стѣнъ крѣпости и, запыхавшись, добѣгали до русской арміи.

Красовскій съ войсками приблизился къ городу. Наконецъ, открылись городскіе ворота, войско вошло внутрь и въ теченіе двухъ-трехъ часовъ грабило жителей до тѣхъ поръ, пока командиры смогли возстановить порядокъ. Попали въ плѣнъ знаменитый Гасанъ-ханъ, шесть—семь другихъ хановъ, около 4-хъ тысячъ персидскихъ сарбазовъ, четыре знамени, 49 большихъ и 50 малыхъ пушекъ и пр. На слѣдующій день передъ стѣною Эривани въ присутствіи Паскевича и всей русской арміи, Нерсесъ съ большимъ торжествомъ отслужилъ благодарственный молебенъ [1]).

Городскіе жители—армяне со своими семействами расположились на разрушенныхъ стѣнахъ крѣпости и оттуда смотрѣли на торжество русскихъ. Когда, по окончаніи молебна, одновременно выстрѣлили изъ всѣхъ русскихъ пушекъ, отъ ихъ грохота стрясся воздухъ и одна изъ стѣнъ крѣпости, свалившись, похоронила подъ собою зрителей изъ армянъ нѣсколько десятковъ душъ...

XIV.

Паскевичъ, услыхавъ объ Аштаракскомъ сраженіи, свою армію раздѣлилъ на двѣ—меньшую часть, всего 5 или 6 тысячъ душъ, онъ оставилъ близъ Нахичевани подъ командою генералъ-лейтенанта грузинскаго князя Эристова. Этотъ князь, который въ Тифлисѣ впослѣдствіи былъ извѣстенъ подъ именемъ „сенатора“, хотя не получилъ образованія, но пользовался репутаціей добросердечнаго и храбраго полководца.

Ему въ помощники былъ назначенъ полковникъ Николай Муравьевъ—тотъ самый, который затѣмъ сдѣлался намѣстникомъ Кавказа. Обоимъ Паскевичъ приказалъ довольствоваться только защитою покоренной Нахичевани и по другую сторону Аракса сильно впередъ не двигаться. Отдавая эти приказанія, большую часть войскъ Паскевичъ повелъ съ собою для взятія Сардарь-

---

[1]) Знаменитый русскій скульпторъ и медальеръ графъ Ѳ. П. Толстой создалъ медаль на взятіе Эривани. Она представляетъ русскаго воина, напоминающаго своимъ видомъ императора Николая Перваго; у ногъ его, головой къ зрителю, обнаженное тѣло врага, брошенное на развалины; кругомъ—стѣны крѣпости по мѣстамъ разбитыя и превращенныя въ груды камней; справа отъ витязя на стѣнѣ водружены знамена, а слѣва, восходящее изъ-за развалинъ солнце,—эмблема новой эпохи свободы и просвѣщенія наставшей для Арменіи.

Примѣчаніе переводчика.

Абада и Эривани. Взявъ эти крѣпости, онъ намѣревался вернуться въ Нахичевань и пойти на Тавризъ.

Но пока онъ готовился совершить этотъ походъ, малочисленныя войска князя Эристова совершили цѣлый рядъ дѣлъ, съ которыми слѣдуетъ кратко познакомиться.

Въ серединѣ сентября, когда Паскевичъ осадилъ Сардарь-Абадъ, близъ Нахичевани вновь появились полки Аббаса-Мирзы. Войска князя Эристова погнались за ними, перешли Араксъ и шагъ за шагомъ, преслѣдуя персовъ, 2 октября, именно въ тотъ день, когда Паскевичъ совершалъ благодарственный молебенъ подъ стѣною покоренной Эривани, русскіе безъ боя вошли въ старый армянскій городъ Маранду. Аббасъ-Мирза бѣжалъ въ Хой и оттуда прислалъ приказъ, чтобы всѣ военные припасы, имѣющіеся въ Тавризѣ, были вывезены, чтобы ничего не попало въ руки русскихъ. Для предупрежденія этого приказа, командиръ авангардной части войска князя Эристова—полковникъ Муравьевъ поспѣшилъ къ Тавризу. За нимъ послѣдовалъ князь Эристовъ. 12-го октября русскіе остановились въ двухъ верстахъ отъ Тавриза.

Внезапный приходъ непріятеля вызвалъ суматоху въ городѣ. Между населеніемъ и персидскими войсками возникло недовольство; сарбазы убѣгали группами, а городскіе жители не намѣревались защищаться. И, дѣйствительно, 13-го октября, когда Муравьевъ приблизился къ стѣнамъ Тавриза, открылись городскіе ворота и навстрѣчу русскимъ войскамъ вышли знатные граждане, персидскій муштехидъ и армянское духовенство съ крестомъ и хоругвями. Муравьевъ, свободно говорившій по—армянски и по-персидски, утѣшилъ ихъ и приказалъ остаться спокойными. Въ полдень русскія войска съ торжествомъ вошли въ Тавризъ. Въ русскія руки перешли 40 пушекъ, 2 знамени и многочисленные военные припасы. Паскевичъ объ этихъ дѣлахъ еще ничего не зналъ. 7-го числа онъ узналъ въ Эривани, что русскіе вступили въ Персію и тотчасъ же самъ съ войсками отправился въ путь въ Тавризъ. 16-го числа того же мѣсяца онъ достигъ Маранды и здѣсь только узналъ, что русскіе уже вступили въ столицу Адербейджана. Взявъ съ собою только конницу, Паскевичъ поспѣшно двинулся впередъ и, 19-го октября, съ большимъ торжествомъ вступилъ въ городъ. Насколько для Паскевича должна была быть радостною удачная сдача Тавриза, настолько ему было непріятно, что это дѣло не было исполнено его руками. Ему казалось, что славу вырвали изъ рукъ князь Эристовъ и Муравьевъ. Хотя онъ исходатайствовалъ высочайшія награды — для князя Эристова—орденъ Св. Александра Невскаго, а для Муравьева чинъ генералъ-маіора, но обоихъ же скоро устранилъ.

Князя удалилъ изъ арміи и послалъ въ Грузію остаться съ прозвищемъ „сенатора“, а Муравьева заставилъ перемѣститься въ Россію. Въ это время въ Тавризѣ жила принцесса Марія—жена грузинскаго царевича Александра, возставшаго противъ русскихъ; ей было 23 года и она отличалась удивительною красотою. Она была дочь извѣстнаго меликъ—Саака Агамаляна и имѣла маленькаго сына—по имени Ираклій.

Самъ царевичъ Александръ въ это время находился въ городѣ Ванѣ, гдѣ онъ набиралъ войска противъ русскихъ по случаю ожидаемой русско-турецкой войны. Зная, что принцесса Марія имѣетъ большое вліяніе особенно на армянскихъ жителей Адербейджана, Паскевичъ поспѣшно отправилъ ее вмѣстѣ со своимъ сыномъ въ Эривань къ своему отцу меликъ-Сааку.

XV.

Взятіе Тавриза произвело сильное впечатлѣніе, какъ на всю Персію, такъ и на самого шаха.

Больше всѣхъ скорбѣлъ, конечно, Аббасъ-Мирза, который былъ первопричиной войны съ русскими и теперь терялъ, доставшійся на его долю, весь Адербейджанскій край. Слѣдовало примириться съ русскими, особенно тоже принудительнымъ образомъ совѣтовали англичане. Начались переговоры, въ подробности которыхъ мы не входимъ. Паскевичъ требовалъ, чтобы Эриванское и Нахичеванское ханства навсегда принадлежали русскимъ и персы уплатили двадцать милліоновъ рублей (десять персидскихъ куруровъ). Шахъ соглашался дать упомянутыя ханства, но уплатить деньги затруднялся. Аббасъ-Мирза и Паскевичъ лично повидались другъ съ другомъ въ деревнѣ Дей-Карханѣ, но на этотъ разъ окончательное соглашеніе не состоялось. Вновь началась война. Одна часть русскихъ войскъ сдѣлала набѣгъ на Тегеранъ, другая постепенно покоряла Хой, Салмастъ, Мараги, Урмію и Ардебиль. Изъ послѣдняго русскіе вывезли одну драгоцѣнную коллекцію старыхъ персидскихъ рукописей, которая и понынѣ хранится въ С.-Петербургѣ въ императорской публичной библіотекѣ [1]).

Наконецъ, персы обязались принять всѣ условія, предложенныя русскими, и въ маленькой деревнѣ Туркманчаѣ, находящейся на пути къ Тегерану, вновь повидались Аббасъ-Мирза и Паскевичъ. Здѣсь, 9-го февраля 1828 года, они подписали тотъ мирный договоръ, который именуется Туркманчайскимъ. Въ нынѣшнемъ, т. е. въ XIX столѣтіи, ни одно политическое событіе не было столь знаменательно для армянскаго народа, какъ упомянутый договоръ, заключенный въ бѣдной персидской деревнѣ. Въ силу его, сердце Арменіи-Араратскій край—со своимъ священнымъ престоломъ, навсегда выходилъ изъ—подъ ига персидскаго и вступалъ подъ могучее покровительство христіанской державы. Овладѣвъ этимъ сердцемъ, Россія гостепріимно открывала двери для тѣхъ армянъ, которые, болѣе не вынося вѣковыхъ стѣсненій, легко прощались со своими родными мѣстами и во—имя свободы выселялись, группировались въ этой новой обѣтованной землѣ, близъ своего сладкаго Масиса и Арагаца, близъ ихъ святого Эчміадзина.

И вотъ, на основаніи Туркманчайскаго договора 1828 года

---

[1]) Такая же коллекція манускриптовъ досталась русскимъ послѣ покоренія ими Баязета. Какъ цѣнилъ науку и бережно относился къ рукописямъ знаменитый авторъ „Горе отъ ума“ А. С. Грибоѣдовъ, можно видѣть изъ слѣдующаго: „Тесть *) мой завоевалъ въ Баязетѣ нѣсколько восточныхъ манускриптовъ; сдѣлайте ми-

*) Рѣчь о генералъ-лейтенантѣ князѣ Александрѣ Герсевановичѣ Чавчавадзе. *Примѣчаніе переводчика.*

къ русскимъ подданнымъ единовременно прибавилось около 50—60 тысячъ армянъ—переселенцевъ, вслѣдъ за которыми послѣдовали нѣсколько разъ повторяющіяся переселенія турецкихъ армянъ [1]).

Какъ совершился этотъ фактъ?

Предпринимая начать съ персами такую войну, которая не должна была походить на войны Циціанова и Гудовича [2]), Паскевичъ считалъ необходимымъ быть въ союзѣ съ тѣми народностями, въ странѣ которыхъ должны были происходить сраженія. Пріобрѣвъ расположеніе мѣстныхъ народностей, уже дол-

---

лость, не посылайте ихъ въ Императорскую библіотеку, гдѣ никто почти грамотѣ не знаетъ, а въ Академію Наукъ, гдѣ профессора Френъ и Сеньковскій извлекутъ изъ сего пріобрѣтенія возможную пользу для ученаго свѣта". Такъ писалъ А. С. Грибоѣдовъ, 30-го октября 1828 года изъ Тавриза графу И. Ѳ. Паскевичу. См. полное собраніе сочиненій А. С. Грибоѣдова подъ ред. Арс. Ив. Введенскаго, изд. 1892 г., стр. 374.

Примѣчаніе переводчика.

[1]) По поводу переселенія христіанъ, т. е. армянъ и грековъ, изъ Турціи, самъ Паскевичъ послѣ турецкой кампаніи писалъ къ императору Николаю I слѣдующее: „Удостойте, Всемилостивѣйшій Государь, обратить милосердное вниманіе Ваше на сіи несчастныя жертвы и не допустите совершиться, чтобы самовластіе оттомановъ мстило имъ за ту привязанность, которую оказали они Россіи". См. В. Потто; „Кавказская война"... изд. 1889 г., т. IV, вып. IV, стр. 654.

Примѣчаніе переводчика.

[2]) А войны, веденныя Циціановымъ и Гудовичемъ, судьба перваго и положеніе Кавказскаго края послѣ ихъ военныхъ дѣйствій въ краткихъ чертахъ были таковы: еще въ 1805 году, Циціановъ, желая, чтобы Россія возвратила свои прежнія завоеванія на берегу Каспія, отправилъ войска моремъ въ Баку, гдѣ ханомъ былъ его старинный пріятель Гуссейнъ-Али. На пути въ Баку Циціановъ покорилъ ханство Ширванское и, наконецъ послѣ труднѣйшаго перехода черезъ шемахинскія горы, вступилъ въ предѣлы Бакинскаго ханства. Въ концѣ января 1806 года онъ уже подходилъ къ Баку. Гуссейнъ-Али-ханъ прислалъ сказать князю Циціанову, что отдается въ русское подданство, и день 8-го февраля былъ назначенъ для встрѣчи русскаго главнокомандующаго съ бакинскимъ ханомъ.

Съ непонятной довѣрчивостью Циціановъ въ назначенный день отправился самъ, въ сопровожденіи всего только одного своего адъютанта князя Эристова, и вѣстового казака къ воротамъ бакинской крѣпости. Войска остались въ порядочномъ отдаленіи.

Гуссейнъ-Али-ханъ выѣхалъ навстрѣчу Циціанову въ сопровожденіи тоже небольшой свиты. Когда обѣ стороны сблизились, одинъ изъ спутниковъ хана быстро бросился впередъ и почти въ упоръ выстрѣлилъ въ Циціанова. Князь былъ убитъ наповалъ. Эристовъ былъ застрѣленъ вслѣдъ за нимъ, казакъ успѣлъ спастись. Жители Баку, стоявшіе на крѣпостныхъ стѣнахъ, радостными кликами привѣтствовали это злодѣяніе. Убійцы подхватили тѣла Циціанова и Эристова. Гуссейнъ-Али-ханъ послалъ голову Циціанова къ шаху Баба-хану въ Тегеранъ, а обезглавленное тѣло „грознаго князя" было зарыто у воротъ бакинской крѣпости съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы прахъ его могли попирать своими пятами всѣ проходящіе черезъ крѣпостныя ворота.

Вмѣсто Циціанова на Кавказъ прибылъ главнокомандующимъ войсками въ Грузіи графъ Гудовичъ, являвшійся сюда уже въ третій разъ.

Сдача Баку послѣдовала 3-го сентября 1806 года. Обезглавленное тѣло Циціанова перенесено было на время изъ своей первой могилы въ армянскую церковь въ Баку, а затѣмъ уже въ 1811 году было перевезено въ Тифлисъ и предано землѣ въ тифлисскомъ Сіонскомъ соборѣ. Положеніе, созданное гибелью Циціанова, было очень тревожное. Имеретинскій царь Соломонъ, лишь только не стало „грознаго князя", поднялъ открытый мятежъ, ахалцыхскіе лезгины возобновили свои набѣги на Грузію и ахалцыхскій паша явно покровительствовалъ имъ. Въ Кахетіи и Карталиніи мутили народъ царевичи Юлонъ и Александръ Иракліевичи; подъ ихъ вліяніемъ заволновались осетины, пшавы, хевсуры. Карабагъ, а за нимъ и Шекинское ханство открыто отложились отъ русскихъ. Черкесы и кабардинцы, зная, что войскъ на линіи нѣтъ, опять возобновили свои набѣги и заходили даже къ Ставрополю. Ко всему этому присоединились персы. Аббасъ-Мирза нашелъ время вполнѣ удобнымъ для возвращенія Ирану отнятыхъ у него при Циціановѣ об-

жна была совершиться нравственная побѣда и эта побѣда для непріятеля была бы болѣе опасна, чѣмъ сила ужасающихъ армій. Приготовленія къ персидской войнѣ должны были совершаться на поляхъ и долинахъ исторической Арменіи, гдѣ господствующими элементами являлись магометане и армяне.

Персидское и русское правительства одинаково были увѣрены, что армяне должны симпатизировать и помогать русскимъ, а магометане—персамъ.

Предвидя это, персидское правительство всѣми способами старалось уменьшить число армянъ въ Араратскомъ краѣ, и вотъ, въ 1827 году до войны значительное количество армянъ силою взяли, перевели по другую сторону Аракса и армянскія деревни превратили въ пустыню. Паскевичъ не смогъ своевременно предупредить это зло, но онъ зналъ, что, гдѣ—бы ни были армяне, ихъ сердца будутъ тяготѣть къ Эчміадзину и при первомъ удобномъ случаѣ они должны вернуться для возстановленія своихъ развалинъ. Армяне многократно на дѣлѣ доказали свою самоотверженность и вѣрноподданство къ Россіи. Паскевичъ это хорошо зналъ и стремился всячески использовать такое расположеніе армянъ, что ему и удалось.

Для нравственнаго воздѣйствія на армянъ и завлеченія ихъ сердецъ нужно было имѣть личностей—любимыхъ и уважаемыхъ армянскимъ народомъ, которыя должны были работать на мѣстѣ, а также на поляхъ сраженія.

Голосъ верховнаго патріарха—католикоса, конечно, имѣлъ большой вѣсъ въ глазахъ армянъ и хотя престарѣлый Ефремъ [1]) разъ навсегда посвятилъ себя русскимъ интересамъ, но онъ, сидя въ Тифлисѣ, большую часть времени проводилъ въ постели и при настоящихъ условіяхъ не могъ играть важной роли. Среди высшаго армянскаго духовенства первостепенную личность являлъ собою Нерсесъ Аштаракскій, услугами котораго Паскевичъ воспользовался насколько могъ, и вотъ, не видя больше нужды въ

ластей. Гудовичъ уже былъ старъ для особенно рѣшительныхъ дѣйствій и его имя—покорителя Анапы—было забыто.

А тамъ приходилось сызнова начинать то, съ чѣмъ было уже покончено. Гудовичъ, однако съумѣлъ усмирить возмутившіяся ханства, лезгинъ и горцевъ; онъ даже умудрился заключить перемиріе съ Персіей, зато явился новый врагъ, болѣе всѣхъ другихъ опасный для Россіи—Турція. Въ 1806 году началась турецкая война, затянувшаяся на пять слишкомъ лѣтъ.

Примѣчаніе переводчика.

[1]) Его святѣйшество Ефремъ былъ утвержденъ въ санѣ католикоса всѣхъ армянъ Высочайшимъ рескриптомъ Императора Александра Благословеннаго 30 сентября 1809 года.

Передъ утвержденіемъ еще 20 августа того же года, когда Ефремъ имѣлъ счастье представляться императору Александру I, онъ удостоился особаго благоволенія и вниманія со стороны милостиваго царя. Императоръ Александръ I, который извѣстенъ въ русской исторіи примѣрнымъ благочестіемъ и набожностью, пожелалъ, чтобы католикосъ Ефремъ, прежде чѣмъ проститься и уѣхать въ Эчміадзинъ, служилъ въ С.-Петербургской армянской церкви. Согласно желанію царя, въ сентябрѣ, въ день Воздвиженія Креста Господня, католикосъ Ефремъ торжественно отслужилъ обѣдню въ присутствіи государя, министровъ, русскаго митрополита и придворной знати при стеченіи всѣхъ прихожанъ армянской церкви. Послѣ обѣдни Его Величество и католикосъ со свитами и всѣ присутствующія лица были приглашены въ домъ Іоакима Лазарева, гдѣ для нихъ былъ сервированъ столъ.

Тутъ государь, затѣмъ знатныя лица, а также митрополитъ и нѣсколько

его помощи, жестокосердно удалилъ его съ поприща дѣятельности [1]).

Паскевичъ считалъ нужнымъ показать мѣстнымъ жителямъ, какое преимущество имѣютъ армяне, находящіеся подъ покровительствомъ Россіи, сравнительно со своими сородичами, живущими въ персидскомъ подданствѣ.

Съ этою цѣлью въ своей арміи онъ держалъ достаточное количество военныхъ и гражданскихъ чиновъ изъ армянъ, которые, повидимому, играли второстепенныя и третьестепенныя роли, но все же они сдѣлали очень много полезнаго дѣла.

Чтобы произвести еще больше впечатлѣнія на персидскихъ армянъ, Паскевичъ пожелалъ имѣть при себѣ одного изъ представителей извѣстнаго рода Лазаревыхъ.

Мѣстные армяне собственными глазами должны были видѣть—какъ полъ-вѣка тому назадъ переселившійся изъ Персіи въ Россію армянинъ въ столь короткое время, и матеріально разбогатѣлъ, и нравственно подвинулся впередъ и за свою вѣрную службу, вознагражденный правительствомъ, достигъ почестей и славы.

Для осуществленія своего политическаго плана Паскевичъ избралъ Лазаря Лазарева, сына Іоакима-ага Лазарева, который въ то время былъ полковникомъ въ царской гвардіи.

Выборъ былъ очень удачный, такъ какъ и этотъ послѣдній, подобно Нерсесу, проникнутый патріотизмомъ, былъ увлеченъ идеею освобожденія родины.

другихъ русскихъ епископовъ вновь поздравили Ефрема—католикосомъ всѣхъ армянъ. Ефремъ былъ католикосомъ слишкомъ двадцать лѣтъ, а затѣмъ онъ отказался отъ своего сана и взамѣнъ его былъ избранъ на Эчміадзинскій престолъ Іоанессъ VIII, который былъ утвержденъ въ санѣ католикоса рескриптомъ Императора Николая I, 30 іюня 1831 года.

Примѣчаніе переводчика.

[1]) 25 Января 1828 года послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ на имя архіепископа Нерсеса, достойнымъ образомъ оцѣнившій всю полезную и преданную службу царю и Россіи почтеннаго армянскаго іерарха Нерсеса. Здѣсь приводимъ самый текстъ рескрипта:

„Съ давняго времени и при многихъ случаяхъ вы оказали отличную приверженность вашу къ Россіи, въ особенности же въ нынѣшнюю войну съ персіанами, коей благопріятное окончаніе, какъ Я надѣюсь, вскорѣ должно послѣдовать. Вы приняли дѣятельнѣйшее при войскахъ нашихъ участіе, подвергаясь даже личной опасности.

Командиръ Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса генералъ-адъютантъ Паскевичъ, неоднократно доносилъ Мнѣ о таковыхъ похвальныхъ подвигахъ вашихъ, изъясняя, что во все продолженіе военныхъ дѣйствій вы ознаменовали себя особеннымъ усердіемъ къ пользамъ Россіи, постоянно сохраняя въ народѣ Армянскомъ пріязненное расположеніе не токмо благоразумными совѣтами, но и личнымъ своимъ примѣромъ. Въ ознаменованіе столь полезныхъ услугъ вашихъ и въ знакъ особеннаго Моего благоволенія ко всему Армянскому народу, Я призналъ справедливымъ сопричислитъ васъ къ ордену Св. Александра Невскаго, коего знаки при семъ къ вамъ препровождая, пребываю къ вамъ благосклоннымъ".

„Николай".

Примѣчаніе переводчика.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

1. Кончина А. С. Грибоѣдова по армянскимъ источникамъ. „Русская Старина“ 1901 г., № 10.

2. Альбертъ Вандаль. „Армяне и турецкія реформы“. Переводъ съ французскаго. С.-Петербургъ. 1907 г.

3. Пребываніе Императора Николая I въ Эчміадзинѣ и въ Тифлисѣ по даннымъ армянскаго археолога. „Русская Старина“ 1909 г., кн. VII.

4. Тесть А. С. Грибоѣдова—князь Александръ Чавчавадзе—въ характеристикѣ армянскаго историка. „Русская Старина“ 1910 г., кн. IX.

5. Новыя данныя изъ армянской литературы о Нинѣ Александровнѣ Грибоѣдовой. „Русская Старина“ 1911 г., кн. 3.

6. Модель могилы А. С. Грибоѣдова. „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1911 г., № 246.

7. Культурно-экономическое значеніе будущей Кахетинской желѣзной дороги для Кавказа вообще и въ частности для Россіи.
„С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1909 г., № 108 и № 179.

8. Вкладная операція Государственнаго банка въ С.-Петербургѣ въ 1906, 1907, 1908, 1909 и 1910 годахъ. „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1907 г. № 129; 1908 г. № 123; 1909 г. № 104; 1910 г. № 145 и 1911 г. № 128.

9. Армянскій вопросъ въ Россіи. „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1906 г., № 151.

10. Верховный патріархъ—католикосъ всѣхъ армянъ Мкртычъ I—Хріміанъ. „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1907 г., № 242.

11. Вновь избранный первый кандидатъ на постъ верховнаго патріарха—католикоса всѣхъ армянъ архіепископъ Маттеосъ Измирліанъ. „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1908 г., № 249.

12. Верховный патріархъ католикосъ всѣхъ армянъ Маттеосъ II Измирліанъ. „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1909 г., № 115.

13. Памяти скромнаго, но полезнаго національнаго дѣятеля. (С. С. Гуламирянцъ). „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1909 г., № 228.

14. Разсказы Шахріара: „Взошелъ свѣтъ“; „Новогодній подарокъ“; „Живая вѣра“—переводъ съ армянскаго. „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1910 г., №№ 89, 143 и 290.

15. Армянскій романистъ Ширванзадэ и его 30-лѣтняя литературнаа дѣятельность. „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1910 г., № 245.

16. Памяти верховнаго пастыря армянской церкви и народа, патріарха—католикоса Маттеоса II Измирліана. „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1910 г., № 281.

17. 25-лѣтіе литературной дѣятельности армянскаго поэта Александра Цатуряна. „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1910 г., № 91.

18. Памяти армянскаго Андерсена. „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1911 г., № 144.

19. Желательные и возможные кандидаты на постъ верховнаго патріарха—католикоса всѣхъ армянъ въ Эчміадзинѣ. „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1911 г., № 218.

20. Культурный праздникъ армянской общественно-литературной мысли. „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1912 г., № 1.

21. Памяти армянскаго Островскаго. „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1912 г., № 70.